

Пет
3714

132

Черны

№1205

РУКОПИСИ

В. И. ГРИГОРОВИЧА.

(А. ВИКТОРОВЪ. СОБРАНИЕ РУКОПИСЕЙ В. И. ГРИГОРОВИЧА).

А. КОЧУБИНСКАГО.

Vide: Мещеров, Д. Русские сады
Родовые сады и др. в саду
Университета (1897) т. 12, в 1-й

содержит описание
1881 года 11

Отдельный оттиск из № 2 „Р. Ф. Вестника“ 1880 г.

50959

ВАРШАВА.

В ТИПОГРАФИИ М. ЗЕМКЕВИЧА И В. НОАКОВСКАГО.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1880.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ИМ. П. МЕНЧИКОВА

418201

ВЪКОНЦА

В. И. ГРИГОРОВИЧА

А. Викторова. Собрание рукописей В. И. Григоровича.

А. ВИКТОРОВА

Дозволено Цензурою.

Варшава, 11 Июня 1880 г.

Отдѣленіе рукописей № 2 П. Ф. Восточнаго Музея, 1880 г.

80822

В. И. Григоровича

Собрание рукописей

1880

Пет
3714

Рукописи В. И. Григоровича.

А. Викторова. „Собрание рукописей В. И. Григоровича.“
Москва, 1879. 60+IV.

Предъ нами изящная книжка — сжатое, съ большимъ знаніемъ дѣла составленное описаніе рукописнаго наслѣдства знаменитаго слависта и путешественника по Европейской Турціи 40-хъ годовъ, В. И. Григоровича, которое по покупкѣ перешло отъ братьевъ покойнаго въ Московскіе Публичный и Румянцовскій Музеи. Трудъ г. Викторова — извлеченіе изъ „Отчета“ Музеевъ за 1876—1878 г.

Моложе лѣтами своихъ сверстниковъ по наукѣ, Григоровичъ умеръ ранѣе ихъ, открывъ собою ихъ скорбныя листы: онъ умеръ во второй половинѣ декабра 1876 года, въ добровольной ссылкѣ, въ Елисаветградѣ, одинокій, вдали отъ друзей, сослуживцевъ, родныхъ, оставивъ мѣсяца за два до того Новороссійскій Университетъ и Одессу, подъ гнетомъ тяжкаго и незаслуженнаго испытанія. До своего вышужденнаго разрыва съ Университетомъ онъ все собирался свои рукописи принести въ даръ ему. Но судьба распорядилась иначе: хозяинъ умираетъ сейчасъ, а дорогое наслѣдіе его, копившееся годами и съ большимъ трудомъ, бывало, и съ опасностью жизни, едва не попадаетъ подъ защиту полицейскаго подвала. А извѣстно, были рукописи, которыми старый хозяинъ такъ дорожилъ, что и самымъ близкимъ людямъ показывалъ ихъ только изъ-задѣи, въ портфеляхъ, тщательно обвязанныхъ платочками, платочками... Покойникъ лежалъ на столѣ, когда судебнымъ приставомъ была сдѣлана общая опись имущества, а въ томъ

812 952

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ

числѣ и рукописей, конечно, опись официальная, на скорую руку, и затѣмъ библиотека покойнаго „была — говорить съ укоромъ г. Викторовъ — *безъ всякаго порядка* взвалена на возы и перевезена въ Елисаветградское реальное училище, гдѣ помѣстили ее въ рекреационномъ учительскомъ залѣ, отдѣливъ отъ остальной части зала наскоро сдѣланной досчатой перегородкой“ (стр. 59, примѣч.). Въ такомъ помѣщеніи библиотека находилась до Августа 1877 г., когда была принята для Московскихъ Музеевъ. Тогда, при приѣмѣ, лица, принимавшія ее, увидѣли страшную картину хранения имущества Григоровича: „никакихъ печатей положено не было“; „нѣсколько пакетовъ съ перепиской Григоровича, одна рукопись, собраніе монетъ и нѣкоторыя вещи были принесены изъ другихъ помѣщеній училищнаго зданія.“ Это небрежное храненіе въ училищѣ служитъ для уважаемаго автора объясненіемъ обстоятельства, которое обнаружилось сейчасъ позже: „при такомъ *печальномъ* способѣ храненія библиотеки, нисколько не удивительно, *если иное могло и исчезнуть изъ хранимаго*, и это тѣмъ болѣе изъ переписки Григоровича, представлявшей для любопытныхъ *общедоступный* интересъ (стр. 59, прим.).

Но вѣрно ли это предположеніе-объясненіе, этотъ упрекъ по адресу въ Елисаветградѣ?

Пишущій эти строки участвовалъ при похоронахъ покойнаго слависта; ночью, послѣ похоронъ, разсматривалъ рукописи (бѣгло) и бумаги, въ присутствіи судебного пристава, чтобы опредѣлить, что было тогда на лицо (а рукописи раньше были ему нѣсколько извѣстны). Спѣшно, небрежно были размѣшены рукописи по сундукамъ, и, вѣроятно, *такъ, какъ онъ были вывезены въ Октябрь* (во второй половинѣ) *изъ Одессы*. Встрѣчались рукописи и въ перемежку съ книгами. Для объясненія этого небрежнаго размѣшенія не забудемъ, что покойный спѣшилъ вонъ изъ Одессы, чтобы не сказать, бѣжалъ, а имущества книжнаго было не мало: 130 пудовъ было отправлено въ Елисаветградъ. Въ концѣ Сентября (1876 г.) выяснился вопросъ объ отставкѣ; тогда же Григоровичъ забралъ свои черновыя

бумаги, переписку изъ Правленія Университета (а раньше онъ собирался и все это оставить на память Университету), и въ двадцатыхъ числахъ Октября былъ уже въ Елисаветградѣ. Далѣе, послѣдній мѣсяць въ Одессѣ Григоровичъ жилъ въ убогомъ, полутемномъ номерѣ „Одесской гостинницы“ (на Преображенской улицѣ), заваленномъ книгами и рукописями. Если же, по словамъ г. Викторова, оказывается *недочетъ* въ рукописяхъ и бумагахъ покойнаго — „противъ *резстровъ*“ (по какихъ? когда составленныхъ?), то этотъ *недочетъ*, по моему мнѣнію, скорѣй можетъ быть отнесенъ ко времени оставленія Григоровичемъ Одессы, чѣмъ къ періоду „храненія библиотеки“ въ Елисаветградѣ, въ училищѣ, какъ охотно полагаетъ уважаемый авторъ (ib.). Оставленіе Университета было столь тяжкимъ ударомъ для покойнаго профессора, что онъ въ послѣдніе дни своей жизни въ Одессѣ былъ просто неузнаваемъ: былъ разсѣянъ, дичился всѣхъ, самыхъ близкихъ людей готовъ былъ заподозрить въ недоброжелательствѣ и даже злорадствѣ, а имени „нѣкоторыхъ“ и слышать не могъ — тѣхъ, которымъ онъ обязанъ и своей преждевременною смертью. Въместѣ съ этимъ надо имѣть въ виду его пристрастіе къ старовѣрамъ: имъ онъ былъ доступенъ каждую минуту, съ ними у него были постоянные торги — мѣнялъ, покупалъ, дарилъ. Нѣтъ невозможнаго, что нѣкоторыя (но во всякомъ случаѣ, не важныя) рукописи были отдаваемы имъ владѣльцемъ на просмотръ, потомъ уже не возвращались назадъ; можетъ быть, что и какой нибудь юркій „половой“ Одесской гостинницы попользовался безпечною и гнетущимъ состояніемъ духа почти всеми оставленнаго старика (о родственникахъ своихъ онъ не любилъ особенно говорить)...

Вотъ почему, имя директора Елисаветградскаго реальнаго училища (мы называемъ его), г. Завадскаго, ученика покойнаго, 2-го выпуска (въ Новорос. Унив.), глубоко чтившаго своего учителя, должно быть поставлено вѣдъ всякаго упрека. Напротивъ, всѣ почитатели памяти Григоровича повинны г. Завадскому полною признательностью за его

преданное отношеніе къ старому учителю: онъ хоронилъ, онъ былъ по возможности неотступнымъ стражемъ имущества усопшаго, жившаго въ отдаленномъ захолустьѣ Елисаветграда; ему мы, быть можетъ, обязаны, что драгоценныя рукописи не сдѣлались предметомъ любопытства со стороны, когда старикъ закрылъ глаза. Онъ, наконецъ, предложилъ у себя даровое, хотя и „досчатое“ помѣщеніе для сохраненія библіотеки и другаго имущества. А что могло быть съ рукописными сокровищами Григоровича, не найдись г. Завадскій въ Елисаветградъ? Полиція озабочилась бы!... Почему же, наконецъ, Херсонскій братъ покойнаго, жившій не за тридцать земель, не озаботился о помѣщеніи иномъ, или хотя приложить „печати?“ Въдъ наслѣдіе-то, случайно упавшее, стоило чего-нибудь!...

Что были „любопытные“—къ перепискѣ Григоровича, это мы допускаемъ, но только не изъ чужихъ, и не тогда, когда г. Завадскій принялъ обязанности опекуна рукописей: у насъ лично справлялась одна родственница о характерѣ писемъ покойнаго. Далѣе, отсутствіе печатей весьма понятно: признаніе въ правахъ наслѣдниковъ послѣдовало скоро; слѣд. при приѣмѣ — въ Августѣ 1877 года, печатей не могло быть, такъ какъ Музей покупалъ уже имущество братьевъ-наслѣдниковъ, а не самого Григоровича. А раньше, до „перевозки“ въ училище, все имущество оставалось въ квартирѣ покойнаго, въ двухъ крайнихъ комнатахъ, двери которыхъ были запечатаны приставомъ. При нашемъ ночномъ осмотрѣ рукописей печати были сорваны приставомъ, а затѣмъ при насъ же были наложены новыя. Намъ помнится хорошо, что при этомъ осмотрѣ мы нашли два прекрасныхъ фотографическихъ портрета покойнаго — но и они были занесены въ опись; слѣд. даже ихъ никто изъ „любопытныхъ“ не коснулся. Мы, почные посѣтители квартиры покойнаго — я, мой сотоварищъ, директоръ Завадскій и учитель Ястребовъ, съ благоговѣніемъ перелистывали и читали рукописныя остатки покойнаго: насъ занимало одно — не пропало ли что-нибудь во время болѣзни покойнаго, и особенно знаменитое глагольское Четвероевангеліе.

Позволю привести нѣсколько строкъ изъ своей записной книжки объ этомъ ночномъ посѣщеніи нашемъ, послѣ того какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мы предали бренные останки старика землѣ. Квартира помѣщалась въ домѣ Григорія Подпригари, за мостомъ, въ пустынномъ мѣстѣ города, и состояла изъ 4 комнатъ: 2 на улицу — приемная и библіотека, 2 во дворъ — столовая и спальня (въ углу, гдѣ старикъ и скончался). Мебель самая бѣдная. Похоронивши, мы собрались въ нетопленной библіотекѣ, и, словно хищники (именно, такое чувство говорило во мнѣ), принялись за осмотръ и краткое описаніе рукописей, записокъ, писемъ и важнѣйшихъ книгъ. Грустно все глѣдѣло въ осиротѣлой библіотекѣ, а между тѣмъ кругомъ были еще свѣжіе слѣды жизни, присутствія хозяина. На столѣ лежало черновое письмо къ Н. С. Тихонравову съ самой теплой благодарностью за избраніе въ почетные члены Моск. Университета, гдѣ онъ обѣщаетъ работать и работать; въ этомъ письмѣ, можно сказать, еще не успѣли высохнуть чернила — оно, вѣроятно, послѣдній плодъ мысли покойнаго. Глагольское Четвероевангеліе было на лицо: съ 1 листа по 72, съ 137 по 172; отдѣльно листъ 124. Всѣхъ рукописей, картоновъ мы осмотрѣли числомъ 42; затѣмъ перебрали шесть связокъ, портфелей съ бумагами, письмами, замѣтками и шесть первопечатныхъ книгъ. Изъ ученой переписки съ особеннымъ интересомъ читалъ я письмо академика Востокова (отъ 1861? г.), извѣщавшаго Григоровича о неудачѣ, постигшей его предложеніе — выбрать въ адъюнкты Академіи Наукъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ отзывовъ со стороны кое кого въ Академіи, а изъ частной, домашней — цѣлый рядъ писемъ самого Григоровича къ нѣкому *Гришу*, солдатскому сыну въ Полтавѣ, полныхъ самаго нѣжнаго чувства. Ученыхъ работъ не нашли никакихъ.“

Читатель видитъ, что рукописныя собранія Григоровича, въ первые дни послѣ его смерти, не были, что „верба при дорожѣ“: сундуки не были, правда, запечатаны, но, что содержалось въ нихъ, было болѣе или менѣе приведено

въ извѣстность въ кружкѣ лицъ, близкихъ къ покойнику, бывшихъ на похоронахъ. Вскорѣ затѣмъ все имущество перешло къ наслѣдникамъ, которые оставили его въ вѣдѣніи г. Завадскаго — до поры. Г. Завадскій далъ пристанище, а распорядились библиотекой наслѣдники. Если чего пѣтъ, никто ни при чемъ.

Мы считали себя обязанными сдѣлать прежде всего эти поправки къ замѣчаніямъ г. Викторова на 59 стр., а теперь переходимъ къ самой книгѣ.

Описаніе г. Викторова, въ виду справедливаго соображенія, именно — „особой научной важности“ собранія рукописей покойнаго профессора, обнимаетъ все собраніе, „въ полномъ его составѣ“, начиная отъ знаменитаго Четвероевангелія и кончая черновыми отрывками рѣчей на университетскихъ диспутахъ и приходно-расходными книжками Казани и Одессы. Каждый клочъ бумаги, оставшійся отъ покойнаго, будетъ имѣть свое значеніе для будущаго его біографа, для уясненія его публичной дѣятельности, и всѣ эти черновки, отрывки, тѣмъ дороже, что покойный каждый годъ по веснѣ имѣлъ обычай — сортировать свои частныя бумаги, и все, что было, по его мнѣнію, ненужное, лишнее, онъ предавалъ огню. Пишущему эти строки не разъ покойный говорилъ объ этихъ своихъ „всесоженіяхъ.“ При его страстной натурѣ, не одно письмо, вѣроятно, погибло!

Какъ самое собраніе рукописей, такъ и описаніе его, сгруппировано въ слѣдующіе отдѣлы:

1) Рукописи, составляющія, по выраженію г. Викторова, „главный фондъ собранія“ (стр. 45). Это рукописи старословенскаго письма, отъ XI-го и по XVIII вѣкѣ, самаго различнаго содержанія, достоинства, происхожденія, въ числѣ 57 номеровъ (собственно 56, такъ какъ N 7 долженъ быть исключенъ изъ счета — фотографическіе и фотолитографическіе снимки его знаменитой глагольской рукописи) и славянскія рукописи, кирилловскаго и латинскаго письма, въ числѣ трехъ (стр. 3—45).

2) Восемь рукописей на *инославянскихъ* языкахъ — три

греческихъ, одна латинская и четыре румынскихъ (стр. 45—47).

3) Коллекція славянскихъ старопечатныхъ изданій и *редкихъ* церковнопечатныхъ книгъ новаго времени, числомъ 33, изъ которыхъ кое-какія „доселѣ не были извѣстны и въ библиографіи“ (стр. 47—50).

4) Ученыя работы и бумаги покойнаго: дорожныя записки изъ знаменитаго путешествія, списки съ памятникъ, сдѣланные иногда собственноручно Григоровичемъ, реестры, записныя книжки, черновыя статьи, лекціи, официальныя бумаги, письма къ Григоровичу и черновыя письма самого Григоровича (стр. 50—60).

Понятно, наиболѣе важный и интересный отдѣлъ новаго собранія рукописей Московскихъ Музеевъ — это первый — *старословенскія* и *славянскія* рукописи. Относительно этого отдѣла мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

1. Порядокъ расположенія рукописей въ описаніи г. Викторова, такъ сказать, церковный: онѣ расположены въ порядкѣ ихъ церковной стоимости. Сначала идутъ книги Ветхаго Завѣта: библейскія книги (первой половины XVI вѣка), Паремейникъ (двѣ рукописи — одна XII, другая, отрывокъ, XIV—XV вѣковъ), Псалтырь (двѣ рукописи, обѣ XIII вѣка); затѣмъ книги Новаго Завѣта: знаменитое глагольское Четвероевангеліе, „по опредѣленію самаго Григоровича, бывшаго, какъ извѣстно, отличнѣмъ знатокомъ глаголицы,“ XI вѣка, изданія котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ долго наука ¹⁾, Евангеліе недѣльное, болгарское,

¹⁾ Еще осенью прошлаго года, загребскій славистъ, акад. Л. Гейтлеръ, который въ послѣднее время занялся вопросомъ о происхожденіи глаголицы, ведя ее, какъ намъ частнымъ образомъ извѣстно, изъ Македоніи и Албаніи, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи большое собраніе фотографическихъ снимковъ и клишѣ, кальковъ со всѣхъ древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей и ланидарныхъ надписей (послѣднія отчасти имъ изданы въ „Вѣстникѣ археологическаго Общества въ Загребѣ“ за прошлый годъ („Viestnik arkeolog. družtva u Zagrebu,“ редакторъ S. Ljubić), обращался къ намъ съ просьбой — указать

XII в., съ составомъ Остромирова Евангелія, по отзыву Григоровича, съ признаками Търновской редакціи и писанное по тщательно стертomъ глаголическомъ письмѣ ¹⁾, отрывки евангельскіе, того и другаго порядка, большіе и меньшіе — отъ 58 листовъ до одного, съ XIII по XV вѣкъ, пергаменные, кромѣ одного (N 9) XIV вѣка, болгар. рецензіи, писаннаго на пергаменѣ и *бомбицини* (бумага изъ хлопка); далѣе, Апостоль Охридскій (недѣльный), XII вѣка, съ глагольскими мѣстами, отрывокъ Слѣпченскаго апостола XII вѣка ²⁾, Апостоль въ порядкѣ посланій, на бомбицинѣ, XV вѣка (N 16), пять пергаменныхъ отрывковъ Апостола, XIII—XV вѣка (N 15, 17); пергаменные и бомбицинные сборники (отрывки) словъ, житій, XIII—XV вѣка (N 12—22); пролога (отрывки), каноническія рукописи (отрывки), между прочимъ, два Законника Душана XV—XVI (N 28) и XV в. (N 29), списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, отрывки синодика, типика ев. Саввы, Служебникъ XV—XVI вѣка (N 32), отрывки Требниковъ XII—XV вѣка, Октоихи XIII вѣка, русскій Ирмологій XII—XIII вѣка (N 37), отрывки Триодей, Миней, XII—XV вѣковъ, отрывокъ русскаго Стихираря XII вѣка (N 47), описаніе Турціи въ XVII вѣкѣ (N 49), новоболгарская исторія Болгарь, сбор-

путь, какъ пріобрѣсти снимки съ Григоровичева Четвероевангелія. Мы могли ему только сообщить, что въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ было какъ то напечатано объявленіе о продажѣ фотографическихъ снимковъ у наследника, А. П. Григоровича, сдѣланныхъ его знаменитымъ братомъ. Но и до сихъ поръ г. Гейтлеръ съ пустыми руками. О старыхъ запросахъ Шафарика см. его письма къ Погодину.

¹⁾ Можетъ быть, и оригиналъ Остромирова евангелія, или оригиналъ этого оригинала, былъ глагольскій, ибо, какъ извѣстно, нидѣ ѣ замѣняетъ и: *славѣши* (105, г.).

²⁾ Всего шесть листовъ. Сама же рукопись этого Апостола въ послѣднее (до 1875 года) время составляла собственность извѣстнаго болгаро-македонскаго археолога, В. Верковича и находилась на храненіи у покойнаго Янка Шафарика въ Бѣлградѣ, въ домѣ котораго осенью 1875 года мы и занимались языкомъ ея. Верковичъ продавалъ тогда рукопись.

никъ молдавскихъ грамотъ на славянскомъ и румынскомъ языкахъ, но новаго времени, сборникъ апокрифовъ XVI вѣка, молдавскаго письма, пергаменный отрывокъ Стефанита и Ихнилата, полууставъ, *переходящій* въ *скоронисъ* XIII—XIV вѣка (N 54) и др. Отдѣлъ этотъ заключается краткимъ описаніемъ трехъ *славянскихъ* рукописей кирилловскаго и латинскаго письма (N 58—60): сборника болгарскихъ пѣсень, сдѣланныхъ для Григоровича во время его путешествія въ 1845 г. и отчасти извѣстныхъ по изданію ихъ покойнымъ пріателемъ Григоровича, Ст. Вразомъ, въ его журналѣ „Kolo“ (1847 г.), рукописи трагедіи дубровчанина І. Пальмотича „Zaptislava“, 1775 года (у г. Викторова невѣрно прочтено *Чантислава*), и сборника стихотвореній, также дубровчанина, М. Милишича (невѣрно прочтено *Милисичъ* — „Milliscich“).

Мы лично порядкомъ расположенія рукописей историческій, по *возврату*, предпочли бы системѣ, принятой составителемъ описанія: но, впрочемъ, число рукописей все таки столь не велико, что безъ особеннаго труда можно находиться межъ нихъ, напр. пользоваться ими въ интересахъ палеографіи, языка.

Послѣ сжатой палеографической характеристики каждой рукописи (матеріаль, письмо, величина, число листовъ, вѣкъ, рецензія), слѣдуетъ краткое, но точное опредѣленіе состава ея, по листамъ, указаніе содержанія, при чемъ тщательно показана литература рукописи, паралельныя мѣста въ другихъ старословенскихъ памятникахъ, рукописныхъ, печатныхъ, и гдѣ есть, въ греческомъ оригиналѣ. Отдѣльныхъ статей приводятся начальныя строки. Изъ менѣе извѣстныхъ старыхъ рукописей даются небольшіе образцы правописанія и языка. Послѣсловія писцовъ воспроизводятся вполне, такъ какъ они имѣютъ интересъ литературный и историческій. Таковы послѣсловія: болгарина — писца Осьмикнижія, „последняго въ иноцехъ Сисоя“ (первой половины XVI вѣка), изъ Охриды (N 1), сербина Радина, 1342 (?) года (N 11, изъ цѣлой рукописи у Григоровича былъ только послѣдній листъ, именно съ

записью писцевой), русского писца Апостола въ порядкѣ посланій, XV вѣка (N 16, правописание названо *сербско-болгарскимъ*, но ж. вм. *оу* и вокализация *клените* указываютъ на русскаго), дьяка Дмитра изъ Охриды, писца Законника, XV вѣка (N 27) и др.

Соображая всѣ эти черты описанія г. Викторова рукописей покойнаго Григоровича, ясно видимъ, что предъ нами трудъ продуманный, цѣлое изслѣдованіе (вспомнимъ опредѣленіе параллельныхъ мѣстъ), а не простое описаніе для оффиціального отчета, однимъ словомъ, трудъ глубокой учености и въ тоже время удобный и легкочитаемый руководитель при пользованіи рукописями Григоровича на мѣстѣ. При каждой рукописи указанъ и номеръ ея въ Музеяхъ.

Изъ бѣглого обзора, представленнаго выше, рукописей, составляющихъ „главный фондъ“ собранія, ясно видно, что не всѣ онѣ одинаковой цѣны для науки: есть рукописи общаго и высокаго интереса, есть и мѣстнаго, скромнаго интереса.

Не касаясь рукописей, получившихъ еще за жизнь собирателя далекую и громкую извѣстность, какъ глагольское *Четвероевангеліе* XI вѣка, носящее въ наукѣ имя ея стараго владѣльца, или Паремейникъ-палампсестъ XII в., мы считаемъ нелишнимъ остановиться на менѣе извѣстныхъ, но интересныхъ либо по языку, либо своимъ содержаніемъ.

Псалтырь XIII вѣка, сербоболгарскаго письма (проще, болгарскаго, ибо ъ вм. ѣ слабый признакъ сербизма), N 4 (въ Музеяхъ N 1687):

Точка надъ гласнымъ — знакъ йотации, *въспоемъ, мой* и т. д. Даже: *въспойте, плѣнѣшей, сионъ*.

Род. п. мн. ч. именъ темы і на еи: *ѣ пѣсней*.

Отрывокъ изъ *Псалтыри* XIII вѣка, сербскаго письма N 5 (N 1688).

Таже точка, но и тамъ, гдѣ гласный съ йотой, или, гдѣ нѣтъ мѣста йотации: *ико, юе; тоу*.

Тотъ же род. п. также на еи: *пѣсней* (дважды).

Глаголь *прильнѣти* съ мѣсти. пад. прильнѣи ѣзъкъ

мой *грѣтани моѣмъ*, — какъ глаголь съ предлогомъ *при*. Но въ *Псалтыри* N 4 тоже мѣсто читается: *прильпе дзѣкъ мой грѣтани моѣмъ*.

Недѣльное Евангеліе, XII в., болгарскаго письма N 8 (N 1690):

Ѣ=и: *въсь жита моа рѣже, слѣшѣти*.

ь=а: *оугобѣсѣи нѣва*.

Стяженіе двухъ и: *ѣждь и ни веселѣсѣ*.

Послѣсловіе писца Радина „изъ жеглигова“, 1342 (?) г., сербскаго письма (N 11). Здѣсь можно отмѣтить правописание: *чтате* и не *кльнѣте*, *грѣшѣнь ѣсѣмъ*.

Отрывокъ сербскаго сборника XIV вѣка N 19 (N 1702) любопытенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ статьи знаменитаго Святослава Изборника 1073 года, но въ *сербской* рецензій.

Отрывки *Прологовъ*, трехъ южнославянскихъ XVI вѣка и одного южнорусскаго начала XVII в., N 24 (N 1706), содержащій въ себѣ памяти славянскихъ святыхъ: Іоанна Рыльскаго, Михаила воина, Николая мниха, Аѳонскихъ монаховъ монастыря Изѳографъ, сожженныхъ латынцами въ 1276 году, Иларіона Мегленскаго, Меодія Моравскаго, Моисея Угриня, перенесеніе мощей св. Вячеслава чешскаго и поученіе Климента на Преображеніе.

Законникъ царя Душана въ собраніи Григоровича — въ двухъ рукописяхъ: отдѣльно въ бомбицинной рукописи сербскаго письма XV вѣка, N 29 (N 1732) и въ сборникѣ статей юридическаго содержанія, также сербскаго письма, но XV—XVI вѣка — N 28 (1708). И вѣкъ рукописей, и множество вариантовъ противъ извѣстныхъ текстовъ „Законника“ говорятъ ясно о значеніи обѣихъ рукописей для славянскаго права. „Судя — говоритъ авторъ — по снимку съ 1-ой страницы Призрѣнской рукописи, приложенному къ изданію Зигеля, нашъ списокъ (XV вѣка) старше ея, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе“ (стр. 24).

Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, отрывокъ XV вѣка, N 30 (1712), представляетъ „значительное количе-

ство интересныхъ вариантовъ“ противъ списка, изданнаго г. Пыпинимъ.

Три листа болгарскаго *Синодика* XV в., N 31 (N 1711) интересны перечнями царей болгарскихъ, царицъ, архiereевъ.

Отрывки изъ сербскаго *Требника* XIV вѣка, N 34 (1715), заключаютъ въ себѣ драгоцѣнный „чинъ на братствореніе,“ т. е. порядокъ освященія церковью извѣстнаго народнаго института у южныхъ Славянъ — *побратимства*.

Ирмологій на крюковыхъ нотахъ, русскаго письма XII—XIII вѣка, найденный въ Хиландарѣ, N 37 (N 1719), весьма важенъ для исторіи русскаго языка, для тѣхъ, кто занимается русскимъ языкомъ по *рукописямъ*. „Изъ нашихъ библиотекъ нотный Ирмологій одинаковой съ настоящимъ древности имѣется только въ библиотекѣ Воскресенскаго монастыря, говоритъ авторъ.“ Отмѣтимъ слѣдующія особенности правописанія (и языка):

о, е=ъ, ъ, въ корнѣ, суффиксѣ, и между прочимъ въ словахъ *плавныхъ сочетаній*: *волною морескою съкрывшааго*; *господеви Богуу нашему поимю яко прослависа*; но выше черезъ строку: *господеви поимъ славно бо прослависа*.

ь=е: *весълиемъ, възкръсьнимъ* и т. д.

ц=ч: *цвовствънымъ*.

Отрывокъ болгарской *Минеи*, XIII—XIV вѣка, N 41 (N 1722), содержитъ въ себѣ проложное житіе Іоанна Рыльскаго и службу ему. По своей старинѣ, житіе имѣетъ особый историческій интересъ.

Отрывокъ изъ мѣсячнаго *Стихираря* на крюковыхъ нотахъ, *русскаго* письма XII вѣка, N 47 (N 1729), имѣетъ тоже значеніе, что и выше Ирмологій.

е=ъ: *Иѡсифъ ѡброученикъ*.

Въ словахъ *плавныхъ сочетаній* двойной знакъ ѣ (ь) или одинъ впереди: *въльсви, но въплътивъсиса; ѡбъдържа*.

ь=е и наоборотъ: *аиъла, въ тебе*.

ч=ц: *личи же ангельсти; неискоусобрачънаи оуниче*.

Надъ ѣ и ъ вездѣ стоятъ нотные знаки.

Описаніе Азіатской и Европейской Турціи, русская

рукопись XVII вѣка, N 49 (N 1730) — трудъ очевидца, вѣроятно, русскаго казака, который такъ говоритъ въ началѣ предисловія: „написася же сиа к'нига .. мною плън'никомъ в' плънной своей неволи.“ Заключаетъ въ себѣ роспись „всему царству турскому,“ т. е. роспись городовъ, селъ, съ указаніемъ ихъ положенія, растояній. Рукопись приобрѣтена была Григоровичемъ въ Симбирскѣ, слѣд. еще въ Казанскій періодъ его дѣятельности, до 1864 года; но только въ 1874 году на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ владѣлецъ познакомилъ съ нею ученый міръ. Для славянскихъ ученыхъ, занимающихся исторической географіей Балканскаго полуострова, какъ напр. академикъ Матковичъ въ Загребѣ, рукопись будетъ предметомъ самаго живаго интереса.

Пергаменный отрывокъ (14 листовъ) изъ славянскаго *Стефанита* и *Ижнлата*, сербской речени, N 54 (N 1736), будетъ отмѣченъ какъ по тому, что, говоря словами ученаго палеографа, „изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ славянскаго перевода Стефанита, настоящій несомнѣнно самый древній,“ такъ и по своему письму: письмо полууставное, *переходящее въ скоропись*, и, тѣмъ не менѣе, по заключенію автора, XIII—XIV вѣка.

Мы исчерпали „главный фондъ“: переходимъ къ отдѣламъ второй руки.

Въ собраніи *инославянскихъ* рукописей наиболее интересенъ *румынскій Хронографъ* 1620 года (N 822), извѣстный уже изъ описанія его покойнымъ владѣльцемъ въ его „Рѣчи о Сербіи“ (Казань, 1859) и отчасти изданный тамъ же. Хронографъ этотъ — переводъ съ славянскаго и по словамъ румынскаго ученаго, Григорія Точилеску, осматривавшаго рукопись, *старѣйшій* памятникъ румынской письменности не-богослужебнаго содержанія.

Въ „Коллекціи славянскихъ старопечатныхъ изданій и *ръдкихъ* церковнопечатныхъ книгъ новаго времени“ собственно не принадлежащей къ собранію рукописей, интересны: Краковскій *Часословъ* 1491 года, Венеціанскій *Требникъ* 1538 года, *Псалтырь*, безъ выхода, по „сходная по

прифту съ евангелиемъ Бѣгнеровскимъ нач. XVI вѣка и Шебежскимъ 1579 г.“ и румынско-славянская *Псалтырь* 1680 года. Что касается „Плача блажене дивице Марие,“ то это произведение извѣстнаго босанскаго борзописца начала XVII столѣтія, фратра, т. е. францискана, Матвѣя *Дивковича* и, дѣйствительно, не 1631 года (у автора съ вопросомъ этотъ годъ), а 1630 ¹⁾, и эта книга, какъ и „Исправникъ за ерети исповѣдники...“ Р. Леваковича, имѣются и въ Библиотекѣ Новороссійскаго Университета. Всѣ же остальные книги (кромѣ одной, N 4) новаго времени и обнимаютъ главный фондъ *новоболгарской* литературы и отчасти Галицко русскую литературу. Многія изъ нихъ весьма нерѣдки: Болгарская грамматика *Неофита* (1835 г., N 7), „Стародавна Теревовля“ В. *Ильницкаго* (N 22), „Методична Грамматика“ русскаго языка въ Галиціи, П. *Дячана* (N 24), находятся даже въ нашей собственной библиотекѣ.

Особенную и дорогую часть старопечатныхъ книгъ библиотекы Григоровича составляютъ *румынскія* книги церковной печати, въ числѣ 20 названій, прошлаго и нынѣшняго столѣтій.

Послѣдній отдѣлъ собранія Григоровича—это его „ученныя работы и бумаги.“ Ученыхъ, неизданныхъ трудовъ почти нѣтъ, если исключить литографированныя лекціи и оставшіеся въ рукописи разборы нѣкоторыхъ поручаемыхъ сочиненій, напр. Папандопуло „*La Bulgarie*“ и рефераты. Ихъ мы не нашли и при осмотрѣ бумагъ покойнаго, сей часъ послѣ его смерти. Но за то живѣйшій научный интересъ предлагаютъ черновыя *дорожныя* записки, которыя вель Григоровичъ во время своего путешествія по Турціи. Здѣсь мы находимъ „болѣе откровенныя, иногда дышащія непосредственнымъ юморомъ характеристики аѳонскихъ, болгарскихъ и другихъ духовныхъ властей; болѣе подробныя описанія нѣкоторыхъ осмотрѣнныхъ путешественни-

¹⁾ См. „Каталогъ библиотеки Импер. Новороссійскаго Университета“ выпускъ II (Одесса, 1879), стр. 162, подъ N 198.

комъ библиотекъ и памятниковъ и т. д.“ (стр. 50). Справедливо замѣчаетъ авторъ, что всѣ эти живыя записки должны были послужить матеріаломъ при „обработкѣ издавна задуманнаго имъ втораго, дополненнаго изданія его Очерка путешествія по Европейской Турціи, которое имъ дѣйствительно и было изготовлено“ (51). Что текстъ для втораго изданія былъ готовъ, г. Викторовъ ссылается на свидѣтельство профессора А. С. Павлова; но „къ сожалѣнію—заключаетъ авторъ—при приѣмѣ библиотеки Григоровича въ Музей, въ августѣ 1877 года, изъ Елисаветградскаго реальнаго училища, *идь со времени смерти его она хранилась больше полугода*, этого экземпляра на лицо не оказалось, и онъ исчезъ безслѣдно“ (ib.).

Изъ послѣднихъ словъ автора можно заключать, что исчезновеніе рукописи пополненнаго „Очерка путешествія“ онъ относитъ ко времени нахождения библиотекы въ Елисаветградѣ, ко времени хранения ея г. Завадскимъ. Но съ этимъ предположеніемъ мы согласиться не можемъ, и по отношенію къ „Очерку,“ какъ и раньше по отношенію къ другимъ недостающимъ рукописямъ, Елисаветградъ съ г. Завадскимъ мы считаемъ чистымъ, яко голубицу. При нашемъ ночномъ осмотрѣ рукописей покойнаго въ день его похоронъ, мы съ особеннымъ вниманіемъ искали „Очерка,“ но не нашли его: уже тогда его, вѣроятно, не было. Конечно, мы можемъ сказать только „вѣроятно“; но эта вѣроятность тѣмъ ближе къ истинѣ, что мы имѣли въ рукахъ самыя мелкія бумажки, письма, черновыя, а экземпляръ пополненнаго „Очерка,“ „который по объему былъ бы противъ 1-го изданія больше примѣрно вдвое“ (стр. 51), не такая малая вещь, чтобы мы его могли легко проглядѣть, тѣмъ болѣе, что и мы были заинтересованы имъ. Весной 1878 года, академикъ Срезневскій обращался къ пишущему эти строки запросомъ—„гдѣ же перебѣленный собственноручный экземпляръ „Очерка“ покойнаго?“ Мы могли отвѣтить только—не знаемъ, по смерти не нашли.

Если мы отрицаемъ возможность пропажи „Очерка“ въ „періодъ хранения библиотекы въ Елисаветградѣ,“ то

читатель спросить -- когда же? Въ какомъ видѣ былъ изготовленъ „Очеркъ“ ко второму изданію, мы не знаемъ: мы лично никогда не видѣли; но что онъ былъ *изготовляемъ*, и тщательно, покойнымъ, объ этомъ мы не разъ слышали изъ устъ самаго Виктора Ивановича. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ принимался за приготовленіе каждый разъ, когда въ печати подымались, съ новою силою, обвиненія, что онъ „грабилъ“ Аѳонъ, и онъ приговаривалъ тогда: „ужь я покажу моимъ доброжелателямъ, съ какимъ трудомъ мнѣ доставался каждый шагъ. Я былъ не Гильфердингъ, предъ которымъ все открывалось и преклонялось.“ Покойный, говоря это, имѣлъ въ виду путешествіе Гильфердинга по Македоніи въ 1868 году. Когда же въ 1873 году недолго любивавшій Григоровича, также уже покойный, московскій славистъ, О. М. Бодянский, въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ первой книгѣ „Чтенія“ Императорскаго Общества в Москвѣ грамотамъ изъ Аѳона, сдѣлалъ уже слишкомъ грубую вылазку, съ обвиненіемъ въ „грабительствѣ“ во вкусѣ Арнаутовъ ¹⁾, Григоровичъ былъ внѣ себя отъ огорченія и только и говорилъ, что о второмъ изданіи „Путешествія“, какъ о фактѣ ближайшаго будущаго. Но умеръ знаменитый медлитель, и не только не успѣлъ обогатить науку давножеланнымъ вторымъ изданіемъ своего проскинетарія, но и самый оригиналъ для него „исчезъ безслѣдно“, какъ заключаетъ съ болью г. Викторъ (51).

¹⁾ „Не меньше также потерпѣли — восклицаетъ старикъ-Бодянский — рукописныя сокровища Аѳона и отъ иного рода Шкипетаровъ, такъ называемыхъ любителей древности, которые, увлекаясь преступною страстью къ обладанію ея, не рѣдко позволяли себѣ, при плохомъ дозорѣ за ними, вырѣзывать цѣлыя листы изъ замѣчательнѣйшихъ рукописей, и даже похищать оныя цѣликомъ. Къ сожалѣнію, новые книжные Вандалы были преимущественно *наши земляки, подвизавшіеся такимъ добрымъ подвигомъ въ особенности съ сороковыхъ годовъ.*“ („Чтенія“ 1873, N I, отдѣлъ III, 2 примѣчаніе). Тутъ же ссылка на „Чтенія“ 1871 года, N I, отдѣлъ V, стр. 208 и др., гдѣ тотъ же Григоровичъ названъ — косвенно — нечестнымъ библиоманомъ.

И есть о чемъ болѣть. Не говоря уже о томъ, что изготовленнымъ, по свидѣтельству профессора Павлова, экземпляромъ „Очерка“ для втораго изданія очищена была бы дѣятельность знаменитаго слависта отъ четвертьвѣковыхъ грубыкъ нареканий, во время его тяжелыхъ скитаній по Турціи, мы имѣли бы въ немъ массу матеріала — и интереснаго, и поучительнаго. Мы узнали бы изъ него, какими усиліями, самоистязаніями, открывалъ онъ себѣ доступъ въ монастырскіе подвалы и книгохранилища Аѳона: цѣлыя посты онъ, чтобы расположить къ себѣ недружелюбныхъ монаховъ, питался одними *маслинами*, каждый день отставивалъ все службы церковныя вмѣстѣ со старцами. А денегъ у него не было, чтобы легче найти доступъ къ сердцу жесткихъ людей... Мы узнали бы изъ него далѣе, какія нравственныя пытки пришлось ему по пути выносить отъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ *византійскаго* происхожденія. Приведемъ одинъ рассказъ покойнаго изъ его пребыванія въ Солуни (Солоникахъ), который мы не разъ слышали отъ него.

Русскимъ консуломъ въ Солуни былъ грекъ Мустаксиди, кажется, д. ст. совѣтникъ, но „кавалеръ.“ Помоши отъ него никогда не видалъ Григоровичъ, а какую-то наемъшку. Отправляясь въ особенно трудный путь изъ Солуни въ Охриду, онъ просилъ Мустаксиди размѣнять ему на мелкую турецкую монету деньги, которыя были у него. Мустаксиди не отказалъ, и за нѣсколько часовъ до отъѣзда изъ Солуни, онъ прислалъ путешественнику *два мѣшка одной мѣдной монеты*, въсомъ болѣе пуда, да среди этой мѣды были и фальшивыя деньги. Понятно, какъ могъ благодарить Григоровичъ консула за такую услугу. Пришлось обратиться къ еврею — мѣнялъ и съ потерю снова размѣнять.

Въ Битолѣ (Монастырь) — или въ какомъ-то другомъ городѣ Македоніи (память намъ измѣнила) — дерзкій „русъ“ былъ свлеченъ съ своего осла толпой на улицѣ, когда онъ въѣхалъ въ городскія ворота, былъ даже битъ и представленъ затѣмъ къ турку-пашѣ, который только и говорилъ

по-турецки. На допросъ Григоровичъ, не зная по-турецки, повторялъ на всѣ вопросы одно слово: „китабъ“, что въ турецкомъ значить—книжникъ, ученый. Да, и помимо турокъ, и братья не съ братскими объятіями встрѣчали Григоровича. Я помню хорошо ужасающій разсказъ его изъ времени пребыванія въ Охридѣ, какъ попъ „Йованчо“, съ которымъ онъ познакомился въ Охридѣ, подстерегъ было его съ ружьемъ по пути изъ Охриды въ монастырь св. Наума (у Охридскаго озера) и какъ онъ едва спасся. Конечно, каждый „русъ“ долженъ имѣть деньги...

Таковы сохранившіеся въ нашей памяти эпизодическіе разсказы покойнаго о своихъ странствованіяхъ по Турціи 40-хъ годовъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ и духу русскаго не было до него — за чѣмъ? За рукописями, за литературными слѣдами дѣятельности знаменитыхъ Солунскихъ братьевъ и ихъ учениковъ перваго поколѣнія.

Такимъ образомъ, добыча знаменитыхъ рукописей была нелегкая: *молитвой* и *постомъ*, тяжелыми испытаніями, и отъ „своихъ“, и отъ чужихъ, энергической путешественникъ собиралъ, собралъ и открылъ ученому міру тѣ рукописныя драгоценности славянскіе старины, относительно пріобрѣтенія которыхъ онъ слышалъ вплоть до своей смерти отъ нѣкоторыхъ своихъ соотчичей тяжкіе, незаслуженныя попреки: Арнаутъ, грабитель. Онъ не былъ Курзонъ, и англійское золото не пролагало ему пути...

Нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ не цензурныя для 40-хъ годовъ разсказы въ родѣ тѣхъ, что сохранила наша память и что приведены выше, вошли бы во второе изданіе „Очерка путешествія“ и, вѣроятно, вошли въ тотъ текстъ, что видѣлъ профессоръ Павловъ. Второе изданіе очистило бы память покойнаго путешественника у тѣхъ, кто еще былъ не вѣрующимъ.

Съ болью сердечною повторяемъ мы слова г. Викторова — что текстъ исчезъ безслѣдно. И по отношенію къ пропавшему второму изданію „Очерка“ мы можемъ сказать словами, теперъ уже также покойнаго, академика Срезневскаго въ письмѣ къ пишущему эти строки (отъ 26 марта

1877 года): „жаль Григоровича — и того что онъ вышелъ изъ Университета, и того, что онъ скончался, не довершивъ своего дѣла...“

Но, можетъ быть, собственноручный экземпляръ „Очерка“ для втораго изданія еще найдется. Намъ какъ-то думается, что онъ въ Петербургѣ. Мы хорошо помнимъ (со словъ покойнаго), что въ концѣ 60-хъ годовъ, извѣстный Петербургскій книгопродавецъ Кожанчиковъ предлагалъ Григоровичу издать собраніе всѣхъ его сочиненій и спросилъ объ *условіяхъ*. На это предложеніе Григоровичъ отвѣчалъ довольно странно, что онъ, Григоровичъ, имѣетъ всего свободныхъ 500 рублей, а рѣчь шла о гонорарѣ. Странности были въ натурѣ покойнаго. Но, можетъ быть, позже онъ возобновилъ переговоры съ Кожанчиковымъ, а въ Петербургѣ покойный бывалъ не рѣдко, послѣдній разъ лѣтомъ въ годъ своей смерти, и оставилъ свой экземпляръ на просмотръ...

Заключая настоящую замѣтку, вызванную пріятнымъ чтеніемъ дорогой книги г. Викторова, мы можемъ только сердечно благодарить автора за трудъ, который онъ посвятилъ описанію драгоценныхъ рукописей того человѣка, который жилъ ими, скорбѣлъ изъ-за нихъ, умеръ надъ ними...

1 Мая 1880 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

15

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

4230
4230
4231

